

«РЕКТОР И БИБЛИОТЕКАРЬ УНИВЕРСИТЕТА
Н. ЛОБАЧЕВСКИЙ»

Статья посвящена служебной деятельности одного из величайших русских учёных XIX века, математика, создателя неевклидовой геометрии Николая Ивановича Лобачевского, профессора и ректора Казанского университета, возглавлявшего его в течение без малого двух десятилетий. Однако не только как учёного, педагога и ректора помнят Лобачевского в университете.

В 1953 году имя Николая Ивановича Лобачевского было присвоено библиотеке Казанского университета. Это был более чем заслуженный акт, ибо можно с полным правом сказать, что Лобачевский создал библиотеку, это было его любимое детище. Благодаря его деятельности как библиотекаря и ректора библиотека университета превратилась в одну из лучших в России.

«Ректор и библиотекарь университета» – так в течение восьми лет подписывал многие из деловых бумаг Николай Иванович Лобачевский. «Ректор и библиотекарь» – странное сочетание по нашим современным понятиям. Но для того времени это было вполне закономерное явление. Библиотекарем мог быть только ординарный профессор, зарекомендовавший себя не только учёными заслугами, но и деятельностью на пользу университета. Именно таким человеком был Н. И. Лобачевский, который был избран библиотекарем университета 8 октября 1825 года. До этого 33-летний учёный, кроме осуществления большой преподавательской работы, успел побывать и деканом, и председателем строительного комитета, и членом библиотечного комитета.

С библиотекой Лобачевский тесно познакомился задолго до того, как он стал библиотекарем. 16 декабря 1819 года попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий, печально известный своей разрушительной деятельностью в области образования и просвещения, назначил членами библиотечного комитета профессоров Вердерамо и Лобачевского (Вердерамо вскоре уволился из университета, и Лобачевский на то время фактически остался един-

ственным членом комитета и пребывал в этой должности до мая 1821 года). Комитет должен был осуществить план попечителя-реакционера: если уж нельзя уничтожить Казанский университет и его библиотеку, то последнюю надо хотя бы «очистить от скверны». Инструкция, данная комитету, гласила: 1 – «поверить описи книгам, рукописям, эстампам и пр.», 2 – отделить дублиеты, 3 – (самое важное) «книги, противные нравственности или вообще не согласные с началами доброго воспитания, отобрать» [1].

Только гражданское мужество тех, кто имел отношение к библиотеке, спасло её от этой чистки и, прежде всего, это относится к Лобачевскому. С присущей ему энергией и тщательностью он взялся за выполнение первого пункта, полностью игнорируя третий. Несмотря на многочисленные требования попечителя дать сведения именно по третьему пункту, Лобачевский, а вслед за ним и Совет университета во главе с директором А. П. Владимирским доносили попечителю, что, пока не выполнен первый пункт (а дело это в связи с отсутствием каталогов и неразберихой в фондах было крайне трудоёмким), невозможно приступить к выполнению третьего. Это требование Магницкого так и не было выполнено в течение ряда лет, вплоть до ухода Магницкого в 1826 году с поста попечителя. Так, благодаря в основном деятельности Лобачевского, главная библиотека университета была спасена от разгрома.

Во время своей работы членом библиотечного комитета Лобачевский хорошо познакомился с состоянием фондов библиотеки. А здесь всё было далеко не гладко. Первоначальные фонды состояли из четырёх крупных книжных собраний: библиотек известного государственного деятеля Г. А. Потёмкина, секретаря Российской Академии художеств, казанского дворянина В. И. Полянского, лейб-медика Санкт-Петербургской медико-хирургической академии И. П. Франка и Санкт-Петербургского купца С. В. Зимнякова [2]. И хотя численно эти фонды были достаточно велики (около 16 тыс. томов), но по отраслям знаний положение с их обеспеченностью обстояло далеко не лучшим образом. Хорошо был укомплектован раздел медицины (благодаря библиотеке Франка), неплохо

были представлены словесность и всеобщая история, а вот с естественными науками, а также с периодикой дело обстояло гораздо хуже.

Совсем плачевными для комплектования фондов новыми поступлениями оказались для библиотеки годы попечительства Магницкого, когда покупка книг и выписка журналов находились под его бдительным присмотром, чтобы не допускать какой-либо «крамолы».

На основании двухлетней работы с фондами библиотеки Лобачевский в июне 1821 года представил директору университета А. П. Владимирскому подробнейшее донесение [3], в котором привёл данные обо всех частях книжного фонда, каталогах и мерах, необходимых для приведения библиотеки в порядок. Принципам и взглядам на роль и значение библиотеки, выработанным в эти годы, Лобачевский следовал затем всю жизнь. Он выдвигает важнейший принцип комплектования фондов университетской библиотеки, без осуществления которого невозможно развитие научной мысли: это необходимость своевременного приобретения новейших сочинений и прежде всего важнейших периодических изданий. «Чтобы преподавание в университете шло наряду с просвещением целой Европы..., надо, чтобы университет был уведомляем о предприятиях и успехах учёнейших мужей, надобно, чтобы он читал современные записки» [4].

Следуя этим правилам, Лобачевский, находясь летом 1821 года в Петербурге, отбирает в местных книжных лавках книги по физике и математике, причём не просто руководствуясь темой и названием сочинений, а самым внимательным образом изучает их прежде, чем купить. «Список отобранных мною книг готов я представить..., – пишет он в донесении Совету, – ... многие из них не были мною читаны, а известны только мне по ссылкам на них других писателей... Чтобы сделать безошибочный выбор и сберечь бесполезные издержки казны, почитаю я нужным предварительно пересмотреть их самому...» [5].

Позднее, уже став библиотекарем, Лобачевский вырабатывает твёрдые правила комплектования фондов университетской библиотеки:

«1. Чтоб сочинения пополняли недостатки других признанных полезными в преподавании и находящихся уже в университетской библиотеке.

2. При назначении вновь вышедших книг преимущество дать тем сочинениям, которые приобрели славу в учёном свете.

3. Чтоб сочинения были новейшими.

4. Чтобы они заключали не столько отдельные и частные открытия, иногда подверженные сомнению, сколько открытия, приведённые уже в систему...

5. Чтоб главная цель при выборе книг была польза для преподавания наук в университете». [6]

Итак, на пост библиотекаря в октябре 1825 года пришёл человек с уже сложившимися взглядами на место и роль библиотеки в системе университетской жизни.

В течение почти десяти лет (с октября 1825 по март 1835 года) работал Лобачевский на посту библиотекаря, причём с мая 1827 года он совмещал эти обязанности с обязанностями ректора университета.

Не сразу смог Лобачевский начать налаживать работу в библиотеке. Ещё почти год он был почти отстранён от дел, благодаря вмешательству всесильного попечителя, и лишь после увольнения Магницкого смог приступить к действительному руководству библиотекой. Прежде всего была произведена тщательная полная проверка наличия всего книжного фонда, в этом трудном деле библиотекарю помогал специальный комитет из профессоров. «Приём библиотеки таким образом, – писал Лобачевский Совету, – мною окончен на законном основании» [7].

С первых шагов своей библиотечной деятельности Лобачевский главное внимание уделял вопросам комплектования фондов. В «Исторической записке о библиотеке Казанского университета», составленной в сентябре 1827 года [8], он писал, подчёркивая отсутствие новейших сочинений: «Исторических книг довольно; из них есть важные, но недостаёт новейших сочинений... По греческой, латинской и французской словесности почти остаётся желать только новейших изданий и сочинений. Собрание врачебных книг и картин анатомических... довольно полно, но и здесь величайший недостаток в новейших сочинениях. В особенности велика бедность наук точных, по промышленности, по

восточной и новейшей иностранной словесности..., философских и политических сочинений весьма мало».

Для обеспечения качественного комплектования фондов Лобачевский разработал целую программу сбора предварительных заявок на необходимую научную и учебную литературу. Раз в году, весной, все преподаватели обязаны были представить списки книг, которые необходимо, по их мнению, приобрести в следующем учебном году. Вот одно из таких распоряжений: «...благоволят гг. профессоры и адъюнкты университета доставить к 25 числу текущего марта в библиотеку записки о назначаемых ими книгах с показанием полного заглавия и цены русской и иностранной. Казань, 1833 года марта 6 дня. Ректор и библиотекарь университета Н. Лобачевский» [9].

Надо отметить, что Лобачевский стремился выполнять заявки не только профессоров, но и совсем молодых преподавателей. Так, например, в 1830 году к преподаванию древней истории в университете был допущен пока ещё только кандидат И. А. Верниковский, и по его представлению Лобачевский выписывает шесть польских и одно французское сочинение [10].

Лобачевскому принадлежит заслуга организации чёткой системы быстрого получения новейших заграничных изданий. С 1830 года постоянным комиссионером Казанского университета становится петербургский книгопродавец Греф, имевший тесные связи с многими иностранными книготорговыми фирмами, с которым Лобачевский познакомился ещё в 1821 году во время своего пребывания в Петербурге [11].

Однако не только о новейшей научной литературе заботился библиотекарь Лобачевский. Он старается комплектовать фонды лучшими произведениями отечественной словесности [12]. Благодаря его заботам библиотека Казанского университета последовательно год за годом приобретает все выходящие в свет сочинения А. С. Пушкина («Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила», «Братья-разбойники», «Цыганы», «Повести Белкина» и др.). Роман «Евгений Онегин» покупается по мере выхода глав, причём нередко это происходит повторно. Так в списке книг, приобретённых в 1833 году, где значится роман

Пушкина, имеется примечание рукой Лобачевского: «N.V. Сие издание против первого, находящегося в библиотеке, умножено путешествием Онегина».

И книги Пушкина не составляли исключения. Лобачевский сам непосредственно (обычно в казанской книжной лавке Глазунова) приобретает для библиотеки все лучшие образцы отечественной литературы: сочинения Н. В. Гоголя, Д. В. Дельвига, В. А. Жуковского, А. А. Бестужева-Марлинского, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова и других российских писателей и поэтов.

То же относится и к исторической литературе. Незамедлительно, по мере выхода из печати приобретаются сочинения Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, «История цивилизации в Европе» Ф.-П. Гизо, «История Наполеона» Ф. П. Сегюра, многотомное французское издание «Краткое изложение истории всех народов, древних и современных» и т. д и т. д. Узнав о предстоящем выходе в свет «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара (в 24 томах на русском языке), Лобачевский сразу же заказывает два экземпляра – для главной и студентской библиотек.

Этот список можно продолжать очень долго. Хочется только остановиться на заботе Лобачевского о комплектовании востоковедных фондов библиотеки. В 30-е годы XIX в. восточный факультет Казанского университета бурно развивается, открываются новые кафедры (это тоже заслуга Лобачевского). Требовалась специальная литература, книги и рукописи на восточных языках. Основным источником приобретения подобных сочинений была покупка у частных лиц. Несмотря на небольшие денежные средства, имеющиеся у библиотеки, Лобачевский не жалеет денег на нужные библиотеке рукописи и книги. Так, например, в 1831 году Лобачевский приобретает у профессора Казанского университета Казембека за 1170 рублей пять персидских рукописей [13]. В этом же году он выходит в Совет университета со следующим предложением: «Честь имею сим представить..., не благоугодно ли будет подписаться на предлагаемое профессором Эрдманом издание сочинения знаменитого персидского стихотворца Низамия... Занимательность сего сочинения в отношении к России, неизвестность оногo доселе в учёном свете... подают надежды, что оно

будет полезно не только для фундаментальной, но и студентской библиотеки» [14].

Большое количество ценнейших рукописей, ксилографов и печатных книг поступило в библиотеку в результате поездки востоковеда (в дальнейшем профессора монгольской словесности и ректора Казанского университета) О. М. Ковалевского в 1828-1831 годах в Бурятию и Китай. Вскоре о собрании восточных рукописей и книг в библиотеке Казанского университета узнала общественность: по инициативе Лобачевского Ковалевский составил «каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Казанского университета хранящимся» (1834 г.).

Большое внимание уделял Лобачевский и приобретению изданий за прошлые годы, отсутствующих в фондах библиотеки, в том числе редких книг, гравюр, карт. Основной путь здесь – опять-таки покупка у частных лиц. Не останавливаясь подробно на этих приобретениях, упомянем только два момента [15]. В 1830 году Лобачевский покупает у вятского крестьянина Ивана Никонова первую русскую печатную книгу «Апостол», изданную в 1564 году. Обосновывая эту покупку, Лобачевский пишет Совету: «Книга сия, будучи первой, напечатанной в Москве, важна для библиотеки университета как памятник типографского искусства того времени».

Ещё один пример. В 1832 году бывший профессор университета И. Ф. Яковкин предложил библиотеке купить у него план Пекина и карту Китайской империи. Лобачевский высказывает своё мнение: главное достоинство сих изданий – их редкость, польза же сомнительна, так как едва ли они отличаются географической точностью. «Впрочем, – добавляет Лобачевский, – может быть, они содержат в себе многое, что со временем будет полезно для будущего розыскателя». И оба плана были у Яковкина куплены за 200 рублей.

Не останавливаясь подробно на вопросе подписки на русские и иностранные периодические издания, следует сказать, что при Лобачевском она выросла в несколько раз, библиотека стала выписывать все наиболее значимые в научном и политическом отношении газеты и журналы.

В результате всех этих и других не упомянутых здесь мер фонды библиотеки выросли почти вдвое: к 1833 году они составляли 26 734 тома.

Чтобы разобраться в этом книжном море и найти нужное сочинение, требовались подробные и правильно составленные каталоги. В необходимости таких каталогов Лобачевский убедился ещё в 1819 году, когда, будучи членом библиотечного комитета, производил проверку фондов. Уже тогда он утвердился в мысли о необходимости единого каталога на все книжные собрания, о невозможности ведения дел без чёткой библиотечной документации.

К тому времени, когда Лобачевский стал библиотекарем, в библиотеке, по-прежнему, было 5 отдельных каталогов, причём качество их было крайне неудовлетворительным. В ноябре 1826 года Лобачевский обращается в Совет университета с предложением скорейшего составления единого документального каталога на все библиотечные фонды. При этом он формулирует требования: чтоб «с книг было списано заглавие как должно, т. е. содержание оных, издание, место печатания и время оногo, а также число эстампов в тех книгах, в коих они находятся». В следующем представлении Совету Лобачевский предлагает, чтобы в библиотеке было три каталога: документальный, систематический («по наукам») и алфавитный («для руководства библиотекарям») [16].

В ноябре 1828 года, после неоднократных представлений Лобачевского были, наконец, выделены необходимые ассигнования, и началась работа по созданию документального каталога. Она была возложена на студентов университета и закончена в 1829 году. Но качество работы не удовлетворило Лобачевского: студенты использовали как основу описания старые каталоги, не все достаточно знали языки и т. д. С 1830 года начинается новый этап работы – создание окончательного варианта документального каталога. Эта работа выполнялась уже силами только работников библиотеки (помощника библиотекаря и письмоводителя) под непосредственным руководством Лобачевского. Работа шла медленно, так как требовалась абсолютная точность и тщательность в описании каждой книги. Она была закончена только в 1837 году.

Документальный каталог, составленный согласно всем требованиям Лобачевского, сохранился до наших дней. Это внушительные тома – первые инвентарные книги главного фонда библиотеки Казанского университета, которые служат бесценным источником всевозможных сведений о «первых» книгах библиотечного фонда. Они показывают историю поступления книг в библиотеку: когда именно, от кого или по какому случаю, по чьему предписанию и т. д.

Итак, как уже упоминалось, первоначальные фонды библиотеки были достаточно велики, да и пополнение их шло довольно быстро. Чтобы использовать эти богатства в научной и учебной работе университета требовались не только точные каталоги, но и само помещение для удобного расположения многих тысяч томов. И здесь опять все начальные пути ведут к Лобачевскому.

Строительными делами он начал заниматься ещё в 1822 году, когда был образован строительный комитет для руководства работами по постройке главного университетского здания. Членом этого комитета стал и Лобачевский, с 1825 года он председатель строительного комитета и находится в этой должности с некоторым перерывом почти четверть века. Он принимал самое непосредственное участие во всех университетских строительных делах и заботах. «...Через весь длительный период работ комитета, – отмечает исследователь деятельности Лобачевского В. В. Егеров, – красной нитью проходит единство мысли и устойчивое своеобразное направление деятельности комитета, а это может иметь место только в том случае, когда работой руководит или вдохновителем является одно и то же лицо. Смело можно утверждать, что таким лицом мог быть и на самом деле был только Н. И. Лобачевский, т. к. при многих переменах состава строительного комитета он оставался единственным несменяемым работником комитета за всё время его существования» [17].

Среди всех университетских зданий и служб для Лобачевского-строителя библиотечные помещения по их значимости занимали одно из первых мест. Первоначально, до перестройки бывшего гимназического корпуса, переданного университету [18], библиотека занимала несколько комнат в первом этаже здания. Комнаты были и малы, и плохо приспособлены для нужд библиотеки. В

новом проекте, подготовленном казанским архитектором П. Г. Пятницким, библиотеке отводились три весьма обширные комнаты на втором этаже. Самая большая из них предназначалась для профессорской библиотеки, две другие – для студентской библиотеки и канцелярии. В 1825 году строительство здания университета было в основном завершено, оставались внутренние работы. В это время Пятницкий отказался от должности, не успев завершить свой проект. Вся тяжесть по завершении работ легла на плечи Лобачевского.

30 апреля 1825 года он подаёт в правление университета представление об устройстве библиотеки [19]. Лобачевский ещё не библиотекарь, им он станет через полгода, но он прекрасно разбирается в том, каким должно быть библиотечное помещение. «Устроение библиотеки, – пишет Лобачевский, – требует обратить внимание на поместительность, на издержки, на доставление удобства библиотекарю служить читателям и, наконец, на красоту наружности. Последнее требование уступает первым, как существенным, но и убранством библиотеки нельзя пренебречь, в намерении всё то, что служит для просвещения народного, ... одеть привлекательною наружностью и тем поддержать любовь в науках и высокое о них мнение».

Приходится только удивляться, с какой дотошностью, любовью и знанием дела Лобачевский входит во все детали, во все мелочи оформления помещения. Не цитируя подробно этот замечательный документ, упомянем только два момента: Первый – забота об условиях труда библиотекаря («Главнейшая трудность – сделать книги доступными для библиотекаря», – пишет Лобачевский). Второй момент – забота о правильном отоплении помещения. «Две печи, – отмечает Лобачевский, – думаю я устроить вне стен библиотеки, чтобы не отнять ими места у книг; сделать их духовые для уравнения повсюду теплоты, для доставления сухости и для того, чтобы не разогревалась стена, к которой они примыкают».

В 1833 году работа строительного комитета снова возобновилась, и вновь её возглавляет Лобачевский. На этот раз строится дворовый университетский комплекс, в состав которого входило особое здание для библиотеки. И снова

Лобачевский, теперь уже не только библиотекарь, но и ректор, продумывает все детали новой постройки. Новое помещение для библиотеки необходимо, ибо фонды её составляют почти 30 тысяч томов, кроме того, Лобачевский думает о будущем: здание должно служить многие десятилетия.

Здание библиотеки было заложено 11 августа 1834 года, проект был составлен известным архитектором М. П. Коринфским. Внешне здание выглядело строго, но внутренняя отделка, по замыслу и архитектора, и Лобачевского, должны была быть великолепной. Центральное место (две трети всей площади) занимает двусветный зал высотой в два этажа. Вот как описывает его помощник библиотекаря А. И. Артемьев: «Потолок зала сделан сводом, поддерживаемым 24 колоннами коринфского ордена; за колоннами идут вокруг всей залы два яруса хор, разделяющие таким образом залу на три этажа. Колонны выше капителей соединяются между собою полустрельчатými сводами... Галереи, образуемые вокруг залы колонными, как внизу, так и на хорах, ограждены красивыми решётками» [20]. Книги должны были располагаться вдоль стен и ограждаться резной решёткой, как это было в библиотечном зале университетского здания.

Во время постройки здания библиотеки произошла почти детективная история. Чтобы облегчить давление сводчатого потолка на тонкие колонны, архитектор предложил смелый проект, связанный со сложными расчётами: сложить свод не из обыкновенных кирпичей, а из так называемых «пустых гончарных коробок», т. е. пустотелых кирпичей. Лобачевский со своим быстрым умом и верным глазом сразу поверил в этот проект и стал его горячим защитником. Как полагалось, проект послали в Петербург, тот медлил с ответом. Лобачевский, не дожидаясь разрешения начальства, собственной властью приказал «гончарные коробки», а затем, опасаясь наступления холодов, распорядился о начале работ. Постройка была закончена в октябре, а из Петербурга пришло запрещение. Узнав о самоуправстве, начальство пришло в ярость. Из Петербурга прибыла комиссия, которая поостереглась дать своё заключение. Даже сам архитектор Коринфский начал сомневаться и велел поставить между колоннами

временные железные связи. Лобачевский же приказывает убрать связи и вызывает снова и снова комиссии, последняя из них была вынуждена дать заключение о прочности свода. Министерство сменило гнев на милость, не утерпев, однако, добавить, что, ежели бы что было не так, не избежать бы виновникам суровой кары [21].

Теперь дело оставалось за внутренним убранством. Лобачевский здесь повторяет всё осуществлённое им при оформлении прежнего библиотечного помещения. Та же тщательно продуманная отопительная система, те же требования к стеллажам для книг, та же забота о чистоте и проветривании помещения. Библиотечный зал поражал своей красотой. В своде потолка против каждой колонны были нарисованы в две тени изображения эмблем различных наук и художеств. Стены и своды были палевые. Всё это вместе с ажурными решётками, загораживающими полки с книгами производило на посетителей незабываемое впечатление и вызывало, по словам свидетелей, возгласы восхищения.

В 1837 году строительство было полностью завершено. И библиотека, любимое детище Лобачевского, имело теперь прекрасное помещение, достойное её фондов и способное прослужить долгие годы.

Однако, всем перечисленным выше отнюдь не ограничивается деятельность Лобачевского на посту библиотекаря. Возьмите любое направление библиотечной работы: организация обслуживания читателей, забота о сохранности фондов, внимание к наиболее целесообразному расположению этих фондов, тщательность ведения документации, требовательность к качеству работы своих помощников и одновременно забота и помощь им во всех начинаниях, забота об удобстве читателей и посетителей библиотеки, – да, собственно, какую бы сторону библиотечной работы и жизни вы ни взяли, везде присутствует мысль, дела, начинания Николая Ивановича Лобачевского, самого главного библиотекаря, создателя библиотеки Казанского университета.

* * *

От автора, проработавшего в библиотеке Казанского университета более полувека: когда я спускаюсь на первый этаж главного книгохранения старого

здания, бывшего профессорского зала, и стою там, у меня возникает особое чувство. Вокруг нескончаемые ряды книг, высоко вверх уходят стройные колонны, царит какая-то особенная тишина, и я верю, что там, высоко под сводами до сих пор витает дух Николая Ивановича Лобачевского.

21 июня 2016 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

к статье; «Ректор и библиотекарь университета
Н. Лобачевский»

1. См.: *Загоскин Н.П.* История Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1904. Т. 4. С. 128
2. См.: *Аристов В.В., Ермолаева Н.В.* История Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (1804-1850). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985 (в дальнейшем: *Аристов, Ермолаева.* История...). С. 6-9, 15-22.
3. См. Национальный архив Республики Татарстан (в дальнейшем НАРТ), ф. 977, Совет, ед. хр. 2220, лл. 10-14 об.
4. НАРТ, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 247, лл. 11-12.
5. Там же, ед. хр. 186, л. 3.
6. Там же, ед. хр. 2691, л. 19.
7. Там же, ф. 977, Совет, ед. хр. 2220, л. 149 об.
8. *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие: Руководство Казанским университетом: Фрагменты. Письма. М.: Наука, 1976 (в дальнейшем: Научно-педагогическое наследие...). С. 355-358. См. также: Научная библиотека Казанского университета. Отдел рукописей и редких книг (в дальнейшем: НБЛ. ОРРК), ед. хр. 4825, лл. 1-5 об.
9. НБЛ. ОРРК, ед. хр. 7635.
10. См.: *Аристов, Ермолаева.* История... С. 61.
11. См. там же, с. 62-63.
12. Подробнее см. там же, с. 63-69.
13. НБЛ. Документальный каталог библиотеки Имп. Казанского университета. Т. II, №№ 11920-11924.
14. НБЛ. ОРРК, ед. хр. 7787, лл. 477-478.
15. См. об этом: *Аристов, Ермолаева.* История... С. 70-71.
16. НАРТ, ф. 977, Совет, ед. хр. 4115, л. 1-2.
17. *Егерев В. В.* Н.И.Лобачевский как строитель. Казань, 1920. С. II.
18. Казанский университет был образован на основе Казанской гимназии, существовавшей с середины XVIII в. Первое время оба учреждения существовали вместе – под одним управлением и занимали одно помещение. Позднее, когда гимназия полностью отделилась и получила своё особое здание, было

решено перестроить бывший гимназический дом, чтобы приспособить его полностью для нужд университета.

19. См. Научно-педагогическое наследие... С. 350-353.

20. *Артемьев А. И.* Библиотека Казанского университета. Статья 2 // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 72. С. 4.

21. См. об этом подробнее: *Аристов, Ермолаева.* История... С. 109-111.

Сведения об авторе:

Ермолаева Наталия Вячеславовна, главный библиограф отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный работник Казанского университета, Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан.